

ВОЕННЫЕ 1984

МЕМОУАРЫ 1989

ПОЛКОВНИК

Ю.Н. Матроскин

«АФГАНИСТАН,
МОЙ ПУТЬ...»

Воспоминания офицера
пограничной разведки

Военные мемуары (Вече)

Юрий Матроскин

«Афганистан, мой путь...»

**Воспоминания офицера
пограничной разведки.**

Трагическое и смешное рядом

«ВЕЧЕ»

2022

УДК 94(47)
ББК 63.2(2)6

Матроскин Ю. Н.

«Афганистан, мой путь...» Воспоминания офицера пограничной разведки. Трагическое и смешное рядом / Ю. Н. Матроскин — «ВЕЧЕ», 2022 — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4484-8864-1

Книга рассказывает о разведывательной службе пограничных войск КГБ СССР. Особую роль пограничная разведка сыграла в Афганской войне, где ей поручено было не только надежно обеспечивать безопасность нашей границы, но и решать задачи по вооруженной борьбе с мятежниками в афганском приграничье. Автор книги – ветеран органов госбезопасности СССР и России, служивший почти пять лет в спецподразделении и разведке войск КСАПО в Афганистане. Он участвовал в десятках боевых операций и многих сложных разведывательных рейдах против афганских душманов. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(47)
ББК 63.2(2)6

ISBN 978-5-4484-8864-1

© Матроскин Ю. Н., 2022
© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Вступление	6
1. Мы хотим предложить вам поездку на юг	9
2. Год 1984-й. Первые месяцы на афганской земле	16
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ю. Н. Матроскин
«Афганистан, мой путь...»
Воспоминания офицера пограничной
разведки. Трагическое и смешное рядом

© Матроскин Ю. Н., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

* * *

*Моим боевым товарищам и наставникам,
нашим самоотверженным женам посвящается!*

Вступление

С каждым годом все дальше и дальше уходит время моей афганской огненной молодости. Мысли об этом вызывают грусть и сожаление, но не о пройденном жизненном пути, а из-за быстроты пролетевших лет. И вот ты уже не молодой, пылкий, энергичный и перспективный офицер, а заслуженный ветеран, умудренный большим профессиональным и жизненным опытом, достаточно «потасканный жизнью», но все так же, как и тридцать лет назад, молод душой. Встречаясь со своими сослуживцами по Афганистану, с грустью осознаешь, что время «потрудились» над нашим внешним видом основательно. И тем не менее с легкостью узнаешь в них тех молодых и задорных боевых товарищей, ради которых ты, не задумываясь, был готов отдать свою жизнь и которые были готовы ответить тебе тем же.

Мысли о том, чтобы написать воспоминания о своей афганской молодости, о нашем поколении, возникали у меня неоднократно. Ведь наше поколение уже начинает уходить и хочется сохранить на бумаге память о своих боевых друзьях-товарищах и тех суровых событиях, которые нам пришлось пережить и в которых пришлось участвовать. Но одно дело мысли об этом, а другое – воплощение их в жизнь, ведь всегда имеется множество факторов, препятствующих этому. Главным из них является недопущение нанесения ущерба нашей Службе и угроз негласным помощникам. К тому же прежде, чем взяться за перо, следует задаться вопросом: кому твои воспоминания интересны? Однако, став военным пенсионером, начинаешь мысленно подводить итоги своей активной жизни, все чаще и чаще «накатывают» воспоминания о былом, охватывает грусть по беспокойной молодости и горечь утраты боевых товарищей. И в это время мне поступило предложение инициативной группы ветеранов-«афганцев» о написании очерка для сборника воспоминаний ветеранов ММГ-3. Тем не менее я не мог взяться за перо. Но как-то мне приснился сон: мы, молодые и веселые офицеры и солдаты, вместе с шагнущим в бессмертие экипажем 806-й БМП: Женей Рожновым, Рашидом Одиноким и Сережей Фоминым, собираемся на боевую операцию. Это был сигнал от них – погибших: НАПИШИ! И всего за каких-то трое суток, на одном дыхании родился очерк моих воспоминаний о службе в ММГ-3 – в памяти, подкрепленной черновыми пометками и фотографиями времен Афганской войны, проявилось все то, что казалось забытым навсегда. Во время работы над этим очерком на меня здорово «накатило»: проявившиеся в памяти события – серьезные, трагические, смешные и курьезные, лица погибших и живых товарищей, обострение чувства горечи утрат не давали мне остановиться.

Наряду с этим отмечу, что на фоне воспоминаний многих «афганцев» – командиров, летчиков, саперов, спецназовцев, военных разведчиков, сотрудников КГБ – нет ни одного обстоятельного рассказа о деятельности пограничной разведки в Афганистане (об этой разведывательной службе почти ничего не упоминается ни в современной литературе, ни в кинематографе, не считая известного сериала «Государственная граница»). А ведь пограничной разведке есть чем гордиться: за годы существования Советского Союза ее сотрудники успешно боролись с иностранными разведками и связанными с ними зарубежными белоэмигрантскими контрреволюционными центрами, политическим бандитизмом и басмачеством в советском приграничье в 1920—1930-е годы, во время Великой Отечественной войны успешно организовывали партизанское движение и вели разведывательно-диверсионную деятельность во вражеском тылу, а после Победы – самоотверженную и беспощадную войну с националистическими бандами и гитлеровскими недобитками в Прибалтике, Западной Украине и Белоруссии. Ну а разведывательные, контрразведывательные и специальные операции, проведенные ими в Афганистане, порой не имели аналогов в истории спецслужб мира. К тому же за все годы существования советской пограничной разведки в ее рядах не было ни одного изменника Родины. Но поскольку меня никто не уполномочивал на роль историографа разведки

Пограничных войск КГБ СССР, то я имею право только на свои воспоминания, субъективное мнение и оценки (в допустимых пределах). Хочу подчеркнуть, что целью этих воспоминаний является не самопиар (поэтому мною и использован литературный псевдоним), а рассказ о моих боевых товарищах – офицерах и бойцах спецподразделений Погранвойск, о разведчиках-пограничниках, афганских коллегах из ХАД и некоторых наших негласных помощниках – всех тех, с кем меня свела судьба в этой многострадальной стране. Будучи рядовым оперативным сотрудником пограничной разведки в Афганистане, в условиях секретности и строгой конспирации я знал только то, что мне было необходимо знать для успешного выполнения поставленных боевых и специальных задач – ведь проявлять излишний интерес к вопросам, не относящимся к прямому исполнению своих служебных обязанностей, не принято (в наших спецслужбах бытует шуточная поговорка: «Если ты бесцельно шатаешься по кабинетам коллег и сплетничаешь, то ты либо бездельник, либо шпион!»). «Большая политика» в Афганистане планировалась в Москве и делалась «большой разведкой» в Кабуле, а мы, «чернорабочие малой разведки», решали задачи по обеспечению безопасности советско-афганской границы и нашего государства путем вскрытия и пресечения разведывательно-подрывных акций иностранных спецслужб с использованием афганских душманов, разведывательного обеспечения войсковых операций спецподразделений КСАПО против мятежников в афганском приграничье. Успешному решению этих задач способствовали наши афганские негласные помощники, с которыми мы встречались отнюдь не в уютных кафе и ресторанах в модных костюмах или смокингах с накрахмаленными рубашками под видом свиданий с красивыми женщинами, как это видится обывателю в кинофильмах о разведчиках, а в полевой форме в плохо обустроенных и пыльных комнатах, блиндажах и землянках на наших «загранточках» и боевых позициях, либо ночью в каких-то развалинах или в БТРах под прикрытием боевого охранения, а на советской территории – на кошке где-то под деревом в роще или «вагончике» на границе. На этих встречах наши разведчики порой погибали, как это было с моими боевыми товарищами и сослуживцами капитаном Сергеем Бастраковым и старшим лейтенантом Андреем Шмелевым. А еще наши разведчики в числе первых десантировались в составе групп захвата площадки для незамедлительного допроса захваченных в бою пленных и опроса местных жителей и скорейшего доклада руководству сведений о противостоящем противнике. А чтобы добыть эти данные, разведчикам приходилось вместе с десантниками вступать в бой.

Правда, порой и наша «малая разведка» оказывала серьезное влияние на политику Советского Союза в Центральной Азии, но не мне решать, когда можно будет говорить об этом. По этой причине настоящая повесть основана на моем личном участии в Афганской войне и рассказывает преимущественно о психологической стороне нашей оперативно-боевой и разведывательной деятельности – через призму своих мыслей и переживаний (пока меня еще не посетил «его величество» склероз) я постарался максимально правдиво показать возмужание молодого офицера и его превращение в опытного боевого офицера-разведчика, без приукрашивания и официоза, где уместно – с долей юмора, иронии и сарказма обрисовать обстановку и условия, в которых жили, работали, воевали, зачастую совершали зримые и незримые подвиги пограничники и разведчики Пограничных войск КГБ СССР. Это рассказ о политических и жизненных принципах разведчиков-пограничников, предопределявших их действия и поступки на той войне, о мыслях и переживаниях, охватывавших нас в различных боевых и экстремальных ситуациях, о том, чем мы жили, ради чего мы были готовы отдать (а некоторые и отдали) свою жизнь. При этом, по известным соображениям, фамилии сотрудников пограничной разведки мною сокращены таким образом, чтобы только непосредственные участники описываемых мною событий могли узнать в них себя и своих товарищей. С той же целью при описании разведывательных операций и мероприятий мною изменены названия местности (и даже регионов), имена действующих лиц и псевдонимы наших афганских негласных помощников. Это сделано с целью не допустить, чтобы в условиях продолжающейся в Афганистане

гражданской войны и натовской оккупации не поставить под угрозу личную безопасность и благополучие наших друзей и их родных. Тем не менее это не обесценивает правдивости моего повествования, поскольку все остальное остается неизменным и абсолютно правдивым.

Также в этом повествовании с максимальной объективностью и искренностью рассказано о впечатлениях, переживаниях и страхах молодого офицера в ходе войны в Афганистане, о том, как, преодолевая страх, а порой и ужас ситуации, мы находили в себе силы выполнить боевую задачу. Это адресовано нынешнему поколению защитников Отечества – в нем они найдут ответы на те вопросы и переживания, с которыми, несомненно, столкнутся в боевой или экстремальной обстановке.

Много внимания мною уделено забавным и смешным ситуациям, которых было в избытке не только в повседневной жизни, но и в ходе боевых действий. Ведь на войне трагическое и смешное рядом, а смех – всегда служил хорошей разрядкой психологического напряжения после тяжелого сражения и психологического стресса. В то же время эти воспоминания и размышления о пережитом одного из тысяч офицеров, прошедших Афганистан, являются очень маленьким фрагментом огромной картины 10-летней войны в Афганистане, ожесточенных схваток наших разведчиков и пограничников с умным, жестоким, беспринципным и коварным врагом. Тем не менее у меня теплится надежда, что этот фрагмент вызовет интерес у читателя и будет способствовать появлению новых публикаций о деятельности пограничной разведки в годы Афганской войны.

А еще мое повествование адресовано моим боевым товарищам с тем, чтобы они вспомнили былое, где-то посмеялись и где-то погрустили.

1. Мы хотим предложить вам поездку на юг

Прежде чем начать рассказ о превратностях своего пути в Афганистан, отмечу, что в соответствии с установкой руководства КГБ СССР в спецподразделения Пограничных войск на территории ДРА направлялись только самые достойные – грамотные, профессионально подготовленные и не имеющие дисциплинарных взысканий военнослужащие. И это было правдой – ведь даже наши так называемые «пролетчики» по меркам требований к военнослужащим Советской Армии были отличными воинами, а их «страшные залеты» соотносились с «детскими» шалостями и проступками «армейцев». Поэтому все направлявшиеся «за речку» пограничники действительно были «достойны оказанного им высокого доверия Родины». Естественно, иногда некоторые начальники способствовали направлению в эту жаркую во всех смыслах страну и отдельных «неудобных» им по какой-либо причине подчиненных: кто-то из них постоянно «умничал» в службе, мешая им «спокойно жить», а другой постоянно «встревал» в различные «приключения», хотя дисциплинарно и не наказуемые, но создававшие определенные «головные боли». Перевести таких «неудобных» в другие части было весьма проблематично, а возиться с их воспитанием – требовалось время. А тут такая «везуха» – разрядка в ДРА. Ну а спустя каких-то два года было интересно смотреть на лица этих командиров и начальников, когда к ним обратно возвращался такой «неудобный» – теперь уже заслуженный офицер с боевыми наградами, которым нужно было гордиться. Здесь уместно отметить, что все «счастливчики» были достойными офицерами и прапорщиками, стойчески перенесшими свалившиеся на них суровые испытания войной.

Также мне лично не известен ни один случай отказа от командировки в ДРА – все воспринимали это как свой воинский долг и служебную необходимость. Были и «комсомольцы-добровольцы», которые писали рапорта с просьбами о направлении в Афганистан, но их желания не всегда совпадали с мнением командования, которое подходило весьма объективно к этому вопросу. В частности, «на войну» не направляли молодых лейтенантов и прапорщиков первого года службы, единственных сыновей у родителей (это правило в обязательном порядке распространялось и на срочнослужащих) и многодетных отцов. К сожалению, зная об этом правиле, некоторые солдаты-пограничники из числа «единственных сыновей» в своем стремлении попасть служить в ДРА (а желающих было предостаточно) умышленно скрывали данное обстоятельство от своих командиров. К несчастью, с таким прискорбным случаем столкнулся и я, когда после гибели моего механика-водителя Сережи Фомина выяснилось, что он был единственным «поздним ребенком» у престарелых родителей. Как это стало возможным? Объяснить не могу: все срочнослужащие проходили через плотное «сито» изучения перед направлением в Афганистан, результаты которого фиксировались в его дневнике (личном деле) «Служба Родине». Тем не менее эта хорошо отлаженная система по какой-то причине дала трагический сбой.

В то же время отмечу, что подавляющее большинство из тех, кому «повезло вытащить счастливый билет», стали настоящими боевыми командирами, политработниками, техническими специалистами и оперработниками, успешно решавшими самые сложные боевые и специальные задачи. За все годы своей службы в Афганистане мне не известен ни один факт, когда пограничник опозорил бы Пограничные войска КГБ СССР. Да, пограничники порой совершали нарушения воинской дисциплины, допускали «пролеты» и проступки, но только не позорящие высокое звание чекиста-пограничника. Ну а путь в Афганистан у каждого был свой – единственный и неповторимый. Поэтому расскажу о своем пути.

На улице морозный январь 1984 года. Молодой замполит погранзаставы «Саратовка» Благовещенского погранотряда обратился уже со вторым рапортом о своем переводе на службу в пограничную разведку. Веские основания у него к этому были и начальник разведотдела

погранотряда полковник Н. И. Аста-в (впоследствии генерал-майор, заместитель начальника одного из погранокругов по разведке) поддержал его. Однако, как мне потом объяснили, мой «главный бог» в округе – начальник политотдела Краснознаменного Дальневосточного погранокруга КГБ СССР полковник Константинов Александр Дмитриевич считал иначе, и на моем рапорте своей руководящей дланью начертал: «*Выпускник военно-политического училища должен быть замполитом*». Не ведая об этом и услышав 1 марта звонок по аппарату ЗАС (засекречивающая связь), поступивший от офицера отдела кадров округа, я, по своей наивности, уже предвкушал столь желаемое известие. К моему изумлению, далекий и невидимый кадровик обходительным и уважительным «металлическим» голосом ЗАСа произнес: «*Товарищ старший лейтенант! Мы хотим предложить Вам поездку на Юг*». Сказать, что это произвело на меня неизгладимое впечатление – ничего не сказать: меня словно колом из-за угла по голове треснули – ведь было сразу понятно, что это за «Юг». А поскольку терять уже было нечего, то с долей сарказма я бодро ответил: «*Если в Крым, то я согласен!*» Кадровик, видимо, уже имевший опыт общения с «добровольцами» в Афганистан, елевым голосом уточнил: «*Нет, немножко восточнее*». Для окончательного внесения ясности, я все же спросил прямо: «*Как я понял, за «линейку», в Афган?*» Ответ не оставил сомнений: «*Да, Вы правильно поняли. Каков Ваш ответ?*» Понимая, что от такого предложения офицеры не отказываются, мною был задан еще один уточняющий вопрос: «*А куда? В разведку?*» Утвердительный ответ кадровика несколько утешил меня и я официально ответил согласием. Услышав столь желанный ответ, звонивший еще раз меня «утешил»: «*Да, от этого не отказываются*». Далее он сообщил, что мне следует незамедлительно отгулять плановый отпуск и быть готовым выехать в спецкомандировку. Все это я уже слушал словно в каком-то тумане – устоявшийся хоть и тревожный, но в целом размеренный ритм жизни вдруг рухнул и впереди была только тревожная неизвестность. Сказать о том, что я боялся ехать в Афганистан будет не верно – мы все морально были готовы к этому. Просто все произошло так неожиданно и некстати: было семейное счастье, любимая служба на границе – и вдруг нужно ехать на два года на войну в далекую и неведомую тебе страну. Утешало только то, что направляют на службу в пограничную разведку.

Тем не менее нужно было как-то сказать жене об этом «радостном» зигзаге в нашей жизни. До сих пор помню ее глаза, в которых изумление, испуг и растерянность. А потом из них грянули слезы. Видимо, каждый из получивших направление в «горячую точку» пережил эти тяжкие минуты, разрывающие сердце от тревоги и жалости к жене и детям: «*А вдруг... Как они без меня?*» О себе как-то не думал – все мысли о самых родных мне людях!

Быстро слова говорятся, да дела не скоро делаются: обо мне вспомнили только в начале августа. Нужно отметить, что и начальник отряда полковник Селиверстов Валерий Викторович и начальник политотдела подполковник Новичихин Валерий Викторович отличались человечностью – они заранее освободили меня от служебных обязанностей, предоставив время для решения личных дел и дав возможность нам с женой на три дня выехать в г. Благовещенск на отдых, который запомнился нам уморительной пограничной сценой.

В то время государственная граница с Китаем охранялась очень усиленно и с 21 часа выход на отмель с городской набережной населению был строго запрещен, так как она перекрывалась нарядами и сигнальными приборами «Кристалл-М». На реке Амур службу несли пограничные сторожевые корабли и катера, а на стоящих на якорях баржах были установлены прожекторные и радиолокационные станции, которые освещали и сканировали набережную с целью своевременного выявления нарушителей границы. С наступлением темноты «аранжировка» от прожекторов создавала завораживающую картину на границе по Амуру. Любуясь этой «иллюминацией», наше внимание привлек луч прожектора, судорожно шаривший по отмели возле лестничного спуска с набережной, где собралась большая толпа людей. Из толпы раздавались громкие выкрики, сопровождавшиеся хохотом. Подойдя ближе, мы с женой сразу же все поняли и тоже разразились неудержимым смехом. Уморительность ситуации состояла в

том, что один из захмелевших посетителей ресторана «Юбилейный», находившегося в каких-то тридцати метрах на набережной, в нарушение правил пограничного режима, спустился на отмель справить естественную нужду и сразу же был обнаружен ПТН «РЛС», по наводке которого в место его нахождения был дан луч прожектора, который и осветил этот интимный процесс. Нарушитель, не имея возможности его прервать, стал метаться, стремясь увернуться от луча. Пограничники, увидев мечущегося человека, в свою очередь, стремились удержать его в луче, чтобы не дать ему скрыться до задержания пограннарядом. Ну а поскольку набережная была с выступами и изгибами, то на ее высокой стене зеваки, словно в театре теней, наблюдали огромную мечущуюся человеческую тень нарушителя с «интересной выпуклостью». Это был последний «нарушитель», которого я встретил на границе с КНР.

Быстро пролетели дни отдыха, остались позади прощание с заставой, хлопоты по переезду жены с дочкой к родителям (служебную квартиру на заставе мы освободили для сменщика), прощания с родными и слезы близких... И вот, 14 августа 1984 года в 3 часа ночи в аэропорту Ашхабада (так тогда называлась столица ныне независимого Туркменистана) молодой «старлей» вышел из самолета. Шагнув на трап, он лицом ощутил «дыхание» зноя, волна которого, словно из парилки, обняла жарче самой знойной женщины, и не было спасения от него ни днем, ни ночью (разве что под кондиционером). Когда в надежде ощутить приятную прохладу, уже на «точке» я прислонился спиной к стене дома (дежавю из детства), то и та обдала меня жаром. Жара выпустила нас из своих знойных объятий только в октябре, когда по ночам начались резкие перепады температуры. Это была Средняя Азия!

А еще нас, «европейцев», в первое время нестерпимо мучала жажда, которую мы никак не могли утолить. Спасибо моему попутчику-таджику, который, видя мои страдания, дал мне разумный совет: *«Запомни: чем больше пьешь воду – тем больше хочется. Наберись терпения, потерпи несколько дней и твой организм привыкнет к нашему климату. И еще... Не пей сырой воды, какая бы она чистая ни была, иначе ты узнаешь, что такое тиф и желтуха. Пей чай!»* Впоследствии мне пришлось быть свидетелем нескольких случаев, когда на операциях мои сослуживцы, соблазненные чистотой колодезной воды, пренебрегали этим правилом со словами: *«Зараза к заразе не пристанет»*, а затем уезжали в госпиталь на лечение с осознанием того, что «зараза» все-таки «присталала». К тому же были случаи, когда душманы в подконтрольных нам кишлаках отравляли воду в колодцах. В этой связи если уж оказался в безвыходной ситуации, сил нет терпеть и не боишься «козленочком стать», то нужно внимательно осмотреть воду и все вокруг нее: если вода отравлена, то разные там жучки-паучки будут покоиться лапками вверх, если вода «живая» – то и они будут живо резвиться. Местные жители об отравлении колодцев знали и не пользовались ими, а вот «шурави» (советские) могли попить и «занять позу брюшком вверх». На самих «точках» в ДРА вопрос утоления жажды решался достаточно просто и эффективно: мы пили только заваренную на верблюжьей колючке кипяченую воду. Ее терпкий вкус хорошо помогал утолению жажды. На крайний случай в избытке был пантоцид – дезинфицирующие грязную воду таблетки, обеспечивающие воде «приятный» хлорный привкус. Также верным спутником желтухи и тифа были грязные руки. Я очень хорошо усвоил эти правила и за свою длительную службу в Средней Азии, к счастью, так и не удосужился близко познакомиться с этими «болячками» (да и малярия обошла меня стороной).

Однако, вернусь к событиям в Ашхабаде. Утром, после доклада о своем прибытии в отделе кадров Краснознаменного Среднеазиатского погранокруга КГБ СССР меня вновь постигло жестокое разочарование: упомянутый выше кадровик банально обманул – мне предстояло заменить капитана Сергея Мостового в должности замполита 1-й заставы (на БМП) 3-й мотоманевренной группы «Артходжа» 48-го Пянджского пограничного отряда. Кстати, в кабинете отдела кадров я обратил внимание на висевшую на стене фотографию пальмы, обмолвившись мимоходом: *«Здесь даже пальмы растут!»*, не подозревая, как был близок к

истине – эта фотография повлияла судьбу не одного ушедшего лейтенанта-выпускника. Но об этом я узнал только спустя несколько лет. А дело было в том, что начальник штаба Кара-Калинского погранотряда умудрился вырастить возле здания управления пальму, хотя она достигала всего каких-то 70 см в высоту – ну не хотела она почему-то расти – ведь вокруг пустыня и барханы. Однако эта пальма стала местной достопримечательностью. Как-то ее увидел кадровик из округа и придумал неординарный «маркетинговый ход»: сфотографировал и поместил ее увеличенную фотографию в своем служебном кабинете и как заядлый рыбак стал ждать «клева», который начинался с прибытием молодых лейтенантов. Некоторые из них, проявив живой интерес к ее местонахождению (предполагая, что растет она в субтропиках), задавали «роковой» для себя вопрос: «А нельзя ли туда попасть служить?» Суровый кадровик отвечал, что, мол, места там все заняты, но затем, «смиловившись» и порывшись в своих записях и «обнаружив» якобы одну случайно затерявшуюся вакансию (в действительности желающих служить в Кара-Кала было ох как мало), сообщал радостному лейтенанту: «Есть одна, быстро пиши рапорт о своем назначении на нее!» Трудно описать эмоции лейтенанта, когда он видел эту пальму наяву и осознавал, куда попал служить. Так что нынешние специалисты по маркетингу просто малые дети по сравнению с нашими кадровиками.

В управлении округа в Ашхабаде судьба свела меня с такими же «счастливчиками», получившими «путевки» в Афганистан. В их числе был и старший лейтенант Виктор Нарочный, назначенный заместителем начальника 2-й заставы (на БТР) на «Артходжу», с которым мы бок о бок провоевали почти два года. Все мы воспринимали свое новое место службы как естественный зигзаг офицерской судьбы. Поэтому после 3-дневных сборов мы в хорошем настроении направились к новому месту службы – ведь впереди у нас был интереснейший и динамичный период службы. По дороге в Пяндж я впервые столкнулся со среднеазиатской «прозой жизни». В купе поезда Ашхабад – Душанбе меня встретила местная «экзотика»: отсутствовало оконное стекло (местные пацанята ради развлечений бросали камни в проходящие поезда), а так как проводниками были исключительно мужчины-туркмены, то последняя влажная уборка в вагоне, видимо, была еще при его сдаче в эксплуатацию. Перегородки в купе были исписаны полуграмотными «лирическими» надписями типа: «Сдес бил Курбан» и т. п. Постельное белье почему-то серого цвета было влажным, мятым и пригодно лишь для подстилки. Отсутствие стекла породило у меня иллюзию на прохладу в дороге. Но не тут-то было – вместо желанной прохлады меня ждало горячее дыхание пустыни и... песок, много песка. К приезду в Душанбе он был у меня везде – в волосах, в ушах, и даже на зубах, что оставило у меня на всю жизнь «неизгладимые» впечатления от этого путешествия и неопишемого удовольствия от душа после поездки.

Кстати, немного о русском языке. В то время практически все местные жители (даже в отдаленных кишлаках) – хорошо, либо довольно сносно разговаривали на «языке межнационального общения» и мы искренне воспринимали слова из известной песни: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз!» А вот письменная грамотность у них весьма «хромала», что порождало многочисленные «казусы». Как-то мы с женой покупали в хозмаге посуду. Жена присмотрела набор кастрюль и, взглянув на ценники, не смогла сдержать смеха – в зависимости от размера кастрюль на них было указано: «Балшой каструл», «Каструл», «Каструлка» и «Каструльенок». И такая «экзотика» была на каждом шагу.

А еще меня поразили восточные базары, где обязательно нужно торговаться не столько для того, чтобы «сбить» цену, сколько для соблюдения местного обычая и приятного общения. Поражающие своим ассортиментом сладостей, солений, зелени, фруктов, овощей и других восточных вкусностей, красочные, гостеприимные, шумные, разноязыкие базары тоже способствовали многим смешным случаям, которые всегда приятно вспомнить в хорошей компании. Как-то в Пяндже мы с сослуживцем оправились на базар за покупками. Продавцы со всех сторон зазывали нас попробовать их «самые-самые лучшие» вкусы. Наше внимание

привлек колоритный азербайджанец в кепке типа «аэропорт», торговавший красным стручковым перцем, который предложил: *«Попробуй, очень горький перец!»* Видя сомнение моего товарища, он заявил: *«Попробуй. Если не скривись – весь перец отдам тебе бесплатно!»* Лучше бы он этого не говорил – мой товарищ до командировки в Афганистан три года служил в охране нашего посольства в Эфиопии и весьма пристрастился к эфиопским национальным блюдам, щедро сдобренным острым перцем. Поэтому он уточнил: *«Точно отдашь? Не обманешь?»* Выслушав традиционное заверение типа: «Мамой клянусь», он взял перец и начал жевать его, словно стручок зеленого гороха. Съел один, съел другой, с улыбкой все приговаривая: *«Да он у тебя не горький! Ну не, не горький!»* Когда же изумленный азербайджанец схватил стручок перца и, чтобы проверить это, начал его жевать, то стал похож на рыбу с выпученными глазами, судорожно хватавшую ртом воздух. Вовремя сунутая ему бутылка с лимонадом вернула его к жизни. Мой же товарищ на это заявил: *«Не притворяйся! Он не горький – я же не кривлюсь!»* Все окружившие нас зеваки дружно смеялись, а соседи – торговцы перцем, видевшие в азербайджанце конкурента, тут же заявили ему: *«Держи слово! Он не скривился – отдавай весь перец».* Смущенный азербайджанец высыпал из своего огромного подноса в подсунутый тут же кем-то из его конкурентов большой пакет целую гору стручкового перца (это при цене-то в 3 рубля за «горку» из 5 стручков). Возвращаясь с базара, мы на территории отряда со смехом пригоршнями раздавали этот перец всем встречным.

Пяндж встретил меня изматывающим зноем и духотой. Город был образован в XIX веке при Бухарском эмирате как кишлак Сарай-Камар и при выставлении поста пограничной стражи на границе с Афганистаном был уже довольно крупным поселком, насчитывавшим около 6 тысяч жителей (русских, таджиков, узбеков). Благодаря пограничникам он постоянно развивался и в 1932 году был преобразован в пгт. Бауманабад (в честь бывшего в 1931–1934 гг. первого секретаря Среднеазиатского бюро ВКП(б) латыша Карла Баумана), а после его репрессирования был переименован в Кировабад – в память о С. М. Кирове). И только в 1963 году город получил свое нынешнее название от одноименного названия пограничной реки. Город административно входит в Хатлонскую (до 1988 года – Курган-Тюбинскую) область Таджикистана. Этот достаточно уютный и несколько пыльный типичный среднеазиатский пограничный городок с 10-тысячным населением находится на берегу пограничной реки Пяндж, по основному руслу которой проходила советско-афганская, а в наше время проходит таджикско-афганская государственная граница, в связи с чем полоса инженерно-технических сооружений полностью перекрывала местному населению доступ к границе, а недругам из-за рубежа – путь на советскую землю. Город и прилегающая к нему равнинная низменность с кишлаками и обширными полями с трех сторон окружены горными и песчаными сопками, что создает летом душающую духоту, спасение от которой можно найти лишь под кондиционером. И только на юге и юго-западе пограничная река Пяндж не позволяет горам и сопкам задушить Пянджскую равнину в своих объятиях, разрывая их цепкие тиски широкой змеей своих горных вод, обеспечивающих живительной влагой широкую равнинную полосу местности с двух сторон вдоль границы, которую называют «зеленкой». Ближе к границе с Узбекистаном эта горная река несколько успокаивается и превращается в судоходную, а на стыке границ Таджикистана и Узбекистана – соединяется со своей «северной сестрой» – такой же бурной и неукротимой рекой Вахш, превращаясь в величественную и относительно спокойную судоходную реку Амударья, которая является естественным барьером на границе между Узбекистаном и Афганистаном. Своим развитием Пяндж обязан пограничникам: в царское время в кишлаке размещался пост пограничной стражи, после установления Советской власти – пограничная застава, а 1928 году в нем был развернут вновь созданный 48-й Пянджский пограничный отряд, вступивший в ожесточенную схватку с басмачеством в советском прикордоне и на границе. Все в этом городке было пропитано пограничным духом, а широко известный лозунг «Границу

СССР охраняет весь советский народ!» стал образом жизни местного населения, которое традиционно видело в пограничниках своих надежных защитников и в подавляющем своем большинстве относилось к ним с любовью и огромным уважением. Они искренне жалели наших пограничников, воевавших в ДРА – ведь у многих из них сыновья и братья также были на этой войне. Помню, как-то на подъезде к поселку Дусти мне встретилась наша пограничная колонна боевой и транспортной техники, возвращавшаяся из Афганистана. В ее составе буксировались подорванные и подбитые БТРы с изуродованной пробоинами от снарядов «броней» и искореженной подрывами мин ходовой частью с «глазницами» оторванных колес. Они произвели даже на меня весьма зловещее и гнетущее впечатление. Но еще большее впечатление на меня произвело то, что ехавшие на автомашинах местные жители останавливались, выходили на обочину, снимали тубетейки и в молчаливой скорби склоняли головы перед проходящей техникой – ведь они понимали, что «тяжело раненные» БТРы не сумели уберечь чьи-то солдатские жизни. Кто-то махал руками, приветствуя пограничников, а две женщины стали бросать нашим солдатам, сидевшим на «броню», конфеты и сигареты. Это тронуло меня до глубины души. Таковым было отношение местного населения к пограничникам, и авторитетнее начальника пограничного отряда в городе человека не было.

С первого дня пребывания в Пяндже на меня произвела впечатление зловеще-военная атмосфера – все здесь «дышало» войной «за речкой»: над городом или вблизи него на бреющем постоянно пролетали пограничные вертолеты, по дорогам двигались отдельные автомашины и небольшие колонны бронетехники и автотранспорта с грузами, почти на каждом шагу встречались пограничники в пограничном «камуфляже», «хэбэ» и панаме песчаного цвета («варшавки» или «афганки» с кепи появились только в 1986 году), зачастую с оружием и в «разгрузках». А в период сосредоточения в Пяндже нескольких ДШМГ для проведения окружных войсковых операций в зоне ответственности отряда порой казалось, что пограничников в городе больше, чем местных жителей. Конечно, были и незначительные «эксцессы» между местными жителями и пограничниками, прибывшими «из-за речки», которые как-то сами собой иссякали и в серьезные конфликты не перерастали, заканчиваясь порой анекдотическими ситуациями. Так, был у нас на «точке» один подполковник (имя его называть не буду по этическим соображениям) – достаточно грамотный и толковый офицер, но имевший одну проблему: ему нельзя было употреблять алкоголь, ибо он «терял себя» напрочь. Как-то во время пребывания в Пяндже знакомый местный житель пригласил его на свадьбу своего сына. Прибыл он на это торжественное мероприятие в весьма «колоритном» виде – в афганской национальной одежде и зеленой фуражке. Естественно, его встретили как самого почетного гостя и все было весьма прилично до тех пор, пока он не выпил больше «своей нормы»... Закончилось все тем, что наш бравый пограничник построил в две шеренги всю свадьбу во главе с женихом и невестой и минут двадцать отчитывал их за то, что они плохо помогают пограничникам охранять границу. Не знаю, насколько их вдохновила речь подполковника, но на следующий день это происшествие получило широкое обсуждение в городе. Ситуация с местными жителями была урегулирована лишь политотделом погранотряда, а виновник ее возникновения – был досрочно откомандирован в свой «родной» Дальневосточный погранокруг. Ну а молодожены надолго запомнили свою свадьбу не только как знаменательное событие в своей жизни.

Запомнился мне еще один «эксцесс». Летом 1986 года в ожидании начала операции в Пяндже было сосредоточено две или три ДШМГ и вертолетная группа. Такие паузы заполнялись не только подготовкой к боевой операции, но и совместными вечерними застольями офицеров и прапорщиков разных подразделений – где еще так можно было пообщаться с друзьями-товарищами из других подразделений, вспомнить былое и поблагодарить кого-то за своевременно оказанную помощь в бою. Во время одной из таких «посиделок» поздно вечером возникла необходимость в дополнительном «горячительном», ибо оставалось «чувство

недосказанности», а все магазины и рестораны были уже закрыты. Тем не менее находчивые пограничники быстро нашли выход. Узнав адрес местожительства завмага, несколько человек в полночь заявили к нему домой. На его вопрос: «*Кто там?*» последовал «зловещий» ответ: «КГБ!» (Тогда с началом «перестройки и гласности» в стране юмористы «запустили в народ» названия трех составных ее этапов: перестройка, перестрелка, перекличка.) Завмаг с мыслью «*Началось!*» с перепугу мучительно вспоминал все свои «прегрешения»: получение взяток, кому «наставил рога», какие и кому рассказывал политические анекдоты и пр. Еще больше он струсил, когда его без разговоров подхватили под «белые ручки», посадили в автомашину и увезли... к гастроному. Рассказывали потом, что, пока мужа не было, жена успела спрятать все деньги и ценности у родственников и сбегать к начальнику райотдела милиции за советом: «*Что делать?*» – тот жил по соседству. Офицеры же по дороге уговорили завмага открыть магазин и продать им водки, щедро заплатив ему «за беспокойство». Все могло бы остаться втайне – завмаг, на радостях, претензий не имел, но начальник милиции о счастливом окончании эпопеи с «арестом» остался в неведении. Поэтому утром позвонил начальнику райотдела УКГБ подполковнику Саломатшо Хуш-ву, чтобы прояснить судьбу «арестованного». Тот, естественно, находился в недоумении: 1937 год канул в Лету, а оснований к аресту завмага по «политическим» основаниям не имелось. Позвонил начальнику погранотряда (вдруг завмагу «ласты завернули» офицеры разведотдела) – тот тоже был в неведении. Ну а после прояснения ситуации начались поиски «ночных чекистов», но как раз кстати началась боевая операция и все дружно прыгнули в «борта» и улетели в Афганистан.

Возникали и другого рода «эксцессы», связанные с излишне навязчивым вниманием «горячих восточных мужчин» к женам пограничников – на Востоке европейские женщины всегда как магнитом притягивали местную мужскую часть населения. По этой причине некоторым мужьям приходилось порой объяснять «непонятливым» разницу между замужней женщиной и незамужней. Как-то пришлось это делать и мне: жена пожаловалась на то, что в период моего последнего пребывания «за речкой» представитель «высшей торгашеской знати» – директор местного ресторана – стал проходить ей не давая своим вниманием и скабрёзными предложениями. Разговор мой с этим «торгашом» был коротким: войдя в директорский кабинет в ресторане, где тот, развалившись в кресле в окружении прихлебателей, о чем-то болтал за рюмкой коньяка, я демонстративно достал пистолет, передернул затвор и, уперев ствол ему в лоб, в течение десяти секунд молча пристально посмотрел в его выпученные глаза. У «Казановы» они чуть с орбит не выскочили (а у меня закралась мысль, что он еще и обмочился). Его дружки тоже замерли в испуге, боясь даже подать голос. Когда же на мой вопрос о причине моего визита к нему он ответил непониманием, то последовало разъяснение: «*Еще раз подойдешь к русской замужней женщине – я приду вновь, спушу курок и ты пораскинешь здесь своими мозгами. Шутить не буду!*» А напоследок двинул его стволом пистолета в лоб так, что снес ему кожу. Затем вежливо попрощался с присутствовавшими и вышел. Доброе слово и «его величество «макаров» творят чудеса: женская часть погранотряда, шутя, даже стала подозревать, что этот любвеобильный ресторатор подружился с импотенцией.

Несмотря на изложенное, в те годы все мы – и пограничники, и местные жители – чувствовали себя гражданами единой Великой Страны, и каждый пограничник был готов в любой момент прийти на помощь мирным гражданам, которые отвечали нам взаимностью. Многие пограничники и местные жители дружили семьями, периодически вместе отдыхали и ходили в гости друг к другу, а когда нужно – помогали. Я, например, благодаря службе в Пяндже и Афганистане, встретил верных боевых друзей-товарищей: прапорщиков-переводчиков Вали Кас-ва, Таира Ура-ва, Закира Им-ва, Акобира Зи-ва и Исраила Юлдашева (последний, к сожалению, в начале 1990-х гг. трагически погиб), с некоторыми из которых дружу и поддерживаю отношения до сих пор. Более подробно о них рассказано в последующих главах.

2. Год 1984-й. Первые месяцы на афганской земле

После непродолжительной стажировки, выразившейся в ознакомлении с оперативной обстановкой в Афганистане, инструктажах и советах опытных офицеров-«афганцев», дежурствах в Оперативной группе погранотряда (орган управления спецподразделениями в зоне ответственности отряда на территории ДРА), меня и Виктора Нарочного наконец-то 22 августа 1984 года направили для прохождения дальнейшей службы на заграничный объект «Артходжа» – 3-ю мотоманевренную группу (ММГ-3).

Утром знаменательного для нас дня мы с волнением заранее прибыли на местный аэродром, где находилось несколько вертолетов Ми-8 и Ми-24 и небольшая стайка офицеров и прапорщиков возле них. По внешнему виду это были уже бывалые «афганцы» – все они были кто в чем: в «хэбэ», в галифе и рубашках с общеармейскими погонами или в пограничном камуфляже, но без пограничных знаков отличия. Мы от них тоже особо не отличались – на нас были офицерские хромовые сапоги, галифе п/ш с зелеными кантами, рубашки с офицерскими погонами (зеленые просветы на них мы покрасили черным фломастером, ибо в Пяндже невозможно было найти армейские погоны) и армейские полевые фуражки.

Здесь нужно отметить, что в Афганистане все пограничники находились «под легендой» мотострелков Советской Армии и факт их пребывания «за речкой» не афишировался – считался чуть ли не секретным (об этом мы узнали только в Пяндже и переодеться в офицеров-мотострелков было поздно). По этой причине все пограничники носили армейскую полевую форму, а офицеры и прапорщики выезжали в ДРА только с погонами с красными или перекрашенными в черные просветами. А в повседневной жизни все офицеры и прапорщики в ДРА одевались как партизаны, стремясь внешне ничем не выделяться от солдат, ибо в бою «духи» стремились выбивать прежде всего их. Так, летом наиболее распространенными были легкие куртки и брюки, переделанные из маскировочных халатов, а звездочки на самодельных погонах мы рисовали обыкновенной шариковой ручкой. В качестве головных уборов предпочитали сначала панамы, а затем кепи, а также общеармейские полевые фуражки без пружины – они придавали нам «залихватский» вид. Из обуви были распространены кроссовки и спортивные туфли, хотя на построения все одевали «среднеазиатские» сапоги с короткими расширенными голенищами. «Берцы» же появились у нас только в 1987–1988 гг. В зимнее время почти все пограничники, вплоть до появления «варшавок» (полевая форма песчаного цвета), носили зимние пограничные камуфлированные куртки, что нас кардинально отличало от армейцев. Поэтому хотя официально в Афганистане пограничников не было, но это не мешало местному афганскому руководству ежегодно 28 мая поздравлять командование наших «загранточек» с Днем пограничника. Это вполне соответствовало древней восточной поговорке: *«В Афганистане много секретов, но нет ничего тайного»*.

Однако продолжу свой рассказ. Офицеры сразу же определили в нас новичков и засыпали вопросами: кто, откуда, куда и на какие должности направляемся? И хотя в общении с нами у них «сквозил» несколько покровительственный тон, относились они к нам очень доброжелательно. Мы курили и болтали о всякой всячине, с нетерпением ожидая посадки. Спустя полчаса на ГАЗ-66 приехали летчики, которые, поздоровавшись со всеми, без лишних разговоров стали готовить «борта» к вылету: зашумели двигатели, из кабины ближайшего вертолета послышались радиопереговоры с авиадиспетчером. В это время послышались возгласы: *«Николай, начальник КПП идет! Ну что, «таможня дает добро»?»* К нам подошел невысокий капитан-пограничник лет тридцати с офицерской сумкой в руке. Поздоровавшись со всеми, он раздал нам таможенные декларации для заполнения. Это был для нас первый выезд за границу. Все было впервые. После завершения процедуры «проверки нашей грамотности» Николай достал из офицерской сумки «Полетный лист» и, назвав пункт следования «вертушки»,

стал зачитывать фамилии. Услышав свою фамилию, я в числе других подошел к нему и передал ему свое офицерское удостоверение, которое за зеленый цвет обложки пограничники в шутку называли «паспортом пастуха» (по аналогии смеси «Паспорта моряка» и пропуска для допуска пастухов за линию инженерно-технических сооружений; служебные загранпаспорта СССР нам выдали только в 1986 году) и командировочное удостоверение, после изучения которых он сделал отметку в списке и проставил «дато-штамп» в моем командировочном и на таможенной декларации. Таким образом каждый раз проходила процедура оформления нашего выезда за границу. Затем последовала посадка и после небольшого разбега наш Ми-8 взлетел. За ним следовал «крокодил» – боевой вертолет прикрытия Ми-24.

Мы летели на высоте 200–300 метров – тогда у «духов» ПЗРК еще не было. К сожалению, с годами в памяти сохранились лишь отдельные фрагменты первых впечатлений от этого полета в Афганистан. Прикинув к иллюминатору вертолета, я с жадностью рассматривал незнакомые мне сначала таджикские поля, широкую зеркальную полосу реки Пяндж, а затем и афганские пейзажи. В глаза сразу бросилось отличие: если на советской территории простирались огромные разноцветные ковры колхозных полей хлопка, пшеницы и овощей, кирпичные и белые дома, крытые шифером, то на афганской стороне земля была испещрена маленькими разноцветными «латками» земельных участков, зачастую огороженных невысокими глиняными заборами (дувалами), и рисовых чеков, а отдельно стоящие друг от друга дома с 2-метровыми дувалами вокруг приусадебных участков с высоты полета представляли собою однообразные глинобитные непрезентабельные квадратные строения.

Что мы знали об Афганистане (с 28 апреля 1978 года – Демократическая Республика Афганистан, а с ноября 1987-го – Республика Афганистан) и тактике боевых действий бандформирований в этой стране? Мои знания ограничивались пределами училищной учебной программы и были дополнены самостоятельными «изысканиями» по этой стране (тогда Интернета с Википедией и в помине не было) после получения «заманчивого» предложения о «выполнении интернационального долга». О тактике действий афганских душманов мы на своем далеком Дальнем Востоке еще ничего не знали – ведь к тому времени через Афганистан «прошли» лишь два офицера нашего отряда, а подготовка кандидатов в спецкомандировку из-за мер секретности не проводилась. Спасал ситуацию лишь наш опыт службы на границе и полученные в погранучилище знания по ведению разведывательно-диверсионной деятельности и борьбе с ДРГ противника. А еще мы знали, что в этой южной стране господствуют родоплеменные отношения, а афганский народ состоит из многих национальностей: пуштунов, таджиков, фарсов, узбеков, туркмен, киргизов, хазарейцев, белуджей, курдов, арабов и индусов, которые по своему вероисповеданию являются в основном мусульманами-суннитами, шиитами и исмаилитами (приверженцы одного из течений шиизма). До Апрельской революции 1978 года титульной нацией считались пуштуны, а государственными языками являлись пушту и дари (до революции, в рамках пуштунизации страны, военнослужащим и госслужащим не титульных национальностей выплачивалась надбавка в размере 30 % от должностного оклада за знание и использование пушту). Из официальной пропаганды нам было известно, что афганский народ решил строить социализм под «мудрым руководством» Народно-демократической партии Афганистана (правда, большинство сельского населения об этом как-то не думало и жило своим многовековым родоплеменным укладом по нормам Шариата и Корана, в котором главными и уважаемыми людьми оставались не партийные секретари, а муллы и старейшины племен). Ну а научно-технический прогресс в своем влиянии на жизнь простых афганцев в основном сводился к легковым «тойотам», «ниссанам», уазикам, грузовым «вольво», «мерседесам» и «МАНам», наручным часам «Сейко-5» и «Ориент», телевизорам, магнитолам и радиоприемникам «Сони», «Шарп» и «Панасоник». Порой было весьма забав-

ным видеть едущего на ишаке афганца под индийскую музыку, звучащую из висевшей у него на шее магнитолы.

Эти новинки прогресса тогда были предметом и наших мечтаний – ведь в Союзе мы могли купить только отечественные радиоприемники, магнитолы, музыкальные центры и телевизоры, а в чековых магазинах «Березка» стоимость этого японского «чуда» была «заоблачной» – равна сумме выплаченных офицеру чеков за 6–7 месяцев, а то и год службы в Афганистане. Таков тогда был «перекос» в покупательной способности советского человека и ценовой политике в СССР. Отсутствие электричества в большинстве кишлаков подчеркивало унылость афганской жизни, навеявая мысли о Средневековье. И лишь в провинциальных городах встречались более-менее современные многоэтажные здания, а бесперебойное электричество было только в провинциальных и районных (улусволи) центрах. Таким образом, Афганистан сочетал в себе средневековье с XX веком, что символично подчеркивала разница в 619 лет между григорианским календарем и летоисчислением по Хиджре, используемым в этой стране. Впрочем, вследствие господства в сознании мусульман ценностей ислама и шариата большинство простых афганцев отличается терпеливостью, скромностью в быту и своих потребностях. Поэтому афганские крестьяне вовсе не усматривают трагедии в отсутствии электричества, холодильников, стиральных машин и телевизоров. В этой связи приведу весьма показательный пример. Уже будучи сотрудником разведки, мною была организована поездка на отдых в Душанбе одному из наших надежных негласных помощников, который неоднократно рисковал жизнью при выполнении наших заданий. Искренне стремясь хоть как-то отблагодарить его за эту помощь, мы разместили его в прекрасном гостиничном номере и организовали ему трехдневный отдых с посещением мусульманских святынь, мечетей, памятников культуры, кинотеатров и кафе, всячески стремясь продемонстрировать ему преимущества советского образа жизни. В последний вечер перед отъездом, сидя в ресторане с живым таджикским ансамблем, я обратил внимание на то, что наш гость с какой-то грустью на лице о чем-то задумался. Полагая, что он под впечатлением увиденного сожалеет о проживании в Средневековье и предстоящем возвращении к этому образу жизни, я спросил его: о чем он задумался? Его ответ поверг меня в смятение: *«Да у меня на днях корова должна отелиться, и я думаю, успею ли я вернуться к этому или нет? Она болеет. А если сдохнет?»* И тут до меня дошло: а ведь у него нет ни малейшего желания жить в XX веке – его жизнь вполне его устраивает и он ничего не хочет в ней менять. И такие афганцы составляют весьма значительную часть общества в стране – они дорожат этим укладом своей жизни и не желают пугающих перемен. Впрочем, это вовсе не означает, что им чужд научно-технический прогресс и они не желают пользоваться современными плодами цивилизации.

Ну а особенности афганской жизни и быта мы познавали уже в процессе своей службы в зависимости от степени возможностей и желания каждого. Тем не менее наши пограничники всегда очень уважительно относились к национальным обычаям и религиозным чувствам афганцев, хотя и были случаи неумышленного нарушения ими местных обычаев во время войсковых операций (нужно отдать должное афганцам, которые с пониманием относились к этому). Это утверждение основано на моем многолетнем общении с представителями различных слоев афганского населения как во время боевых операций, так и после вывода ОКСВ из Афганистана.

Наша 3-я мотоманевренная группа «Артходжа» была прозвана «Летучим голландцем» из-за отсутствия у нее в течение длительного времени закрепленной зоны ответственности и постоянной «миграции» по боевым операциям в разных районах афганского приграничья. В 1982–1987 гг. она входила в состав 48-го Пянджского погранотряда, а затем была переподчинена соседнему 117-му Московскому погранотряду (пгт. Московский – не путать со «златоглавой» столицей). К нашему приезду ММГ-3 прочно обосновалась на территории бывшего городка советских специалистов, расположенного в 10 км от линии границы вблизи

кишлака Артходжа, улусвольства Ходжагар провинции Тахар. Мангруппа занимала стратегически важную позицию, охраняя и контролируя единственный в округе автомобильный мост через горную реку Кокча, соединяющий дорогу между провинциями Бадахшан и Тахар. Весной 1984 года 3-я застава нашей ММГ-3, усиленная расчетами минометов и СПГ-9, была выставлена отдельным загранобъектом «Нанабад» в 30 км западнее, на северо-восточной окраине города Нанабад – административного центра соседнего улусвольства (района) Дашти-Арчи провинции Кундуз. История нашей мотомангруппы началась в ноябре 1982 года, когда по решению руководства ГУПВ КГБ СССР она была сформирована на базе ММГ Хабаровского погранотряда КДПО. 31 декабря 1982 года мангруппа прибыла в г. Пяндж, где была дооснащена бронетехникой и вооружением, и после прохождения боевого сколачивания в феврале 1983 года через паромную переправу «Шерхан» была введена на территорию Афганистана, где начала свой славный боевой путь.

Всего же в зоне ответственности 48-го Пянджского пограничного отряда на территории ДРА дислоцировались три подчиненные ему мотомангруппы: 1-я «Имам-Сахиб», 2-я «Талукан» и 3-я «Артходжа». При этом на базе 1-й и 2-й ММГ функционировали соответственно 1-я и 2-я полевые оперативные группы (ПОГ), являвшиеся полевыми органами оперативного управления служебно-оперативной деятельностью этих мангрупп. Наличие ПОГ было связано со сложной оперативной обстановкой по месту дислокации ММГ – они дислоцировались в «зеленке» в окружении многочисленных бандформирований, а вторая – к тому же на значительном удалении от погранотряда. Поэтому еще несколько разумных голов – командира и двух разведчиков – должны были обеспечить принятие взвешенных решений в экстремальной обстановке. ПОГ включала начальника – грамотного опытного боевого командира, его заместителя по разведке и старшего офицера по разведке.

1-я ММГ «Имам-Сахиб» дислоцировалась в 20 км от линии границы в городе Имам-Сахиб – административном центре одноименного улусвольства провинции Кундуз. В 30 км западнее от нее, в кишлаке Шерхан, на месте бывшего афганского погранпоста на берегу реки Пяндж была выставлена усиленная застава на БТР «Шерхан», которая обеспечивала безопасность паромной переправы через пограничную реку Пяндж из Нижнего Пянджа (СССР) в порт Шерхан (ДРА), автомагистраль из которого идет через Кундуз в Кабул (сейчас две страны соединяет автомобильный мост). Там же находилась одна из перевалбаз 40-й армии ОКСВ.

2-я ММГ «Талукан» находилась на северо-западной окраине города Талукан (административный центр провинции Тахар), что в 80 км от линии границы.

Также в 1987 году для прикрытия советского города Пяндж вблизи границы и одноименных кишлаков были выставлены еще три загранобъекта: «Колонгузар» – от ММГ-1, «Таханэ-е-Канам» и «Хатункала» – от ММГ-2 в виде усиленных погранзастав (УПЗ) численностью около 50 человек с противотанковыми и минометными расчетами.

Местность на территории Афганистана в приграничной зоне ответственности нашего пограничного отряда включала в себя зеленую равнину вдоль пограничной реки Пяндж шириной от 10 до 20 км и длиной в 230 км от устья реки Кокча (стык участка отряда на левом фланге) до устья реки Вахш, переходящих в реку Амударья (стык участка отряда на правом фланге). С юга и эта зона на территории улусвольств Дашти-Арчи и Имам-Сахиб ограничивается грядой песчаных сопков и пустыней, за которыми начинаются зоны Кундуз и Калай-и-Заль, которые в то время контролировались в основном крупным бандформированием Абдул Хади Клыча (ИПА). Территория улусвольства Ходжагар в западной, южной и восточной частях покрыта песчаными сопками. Население улусвольства проживает в кишлаках преимущественно вдоль пограничной реки Пяндж и впадающей в нее горной реки Кокча, идущей с юго-востока страны, а также в ряде кишлаков в «зеленой» зоне вдоль небольшой реки Хазарбаг, уходящей на юг вглубь страны в сторону Талукана. Население улусвольств проживает в многочисленных небольших кишлаках на равнинной местности в «зеленке», а также в нескольких предгорных

и горных кишлаках к югу от этих улусвольств. От автомагистрали Шерхан – Кундуз с запада на восток вдоль всего приграничья вдоль берега пограничной реки и параллельно на глубине отходят три рокадные грунтовые дороги, соединяющие улусвольства.

Высокогорье начиналось только в зоне ответственности Московского погранотряда. Граница между зонами ответственности Пянджского и Московского пограничных отрядов проходила по реке Кокча, впадающей в реку Пяндж. Устье реки Кокча, где в период «малой воды» образовывался брод, контролировала УПЗ «Айханым», выставленная от соседнего отряда на высокой горе. В те годы правобережье Кокчи, включая г. Дашти-Кала и районы восточнее и юго-восточнее, находилось под контролем крупного узбекского племенного вооруженного формирования оппозиционной НДПА политической партии «Революционная организация трудящихся Афганистана» (РОТА) под руководством Самада, которое подписало протокол о сотрудничестве с органами госвласти ДРА и оказывало активную вооруженную помощь советским пограничникам в борьбе с душманами. В 1989 году это формирование было преобразовано в пограничную бригаду с присвоением Самаду звания генерал-майора. К сожалению, в начале 1990-х годов Самад вместе со своим ближайшим помощником Ибрагимом на переговорах с главарем ИПА Абдул Хади Клычем в г. Кундуз были расстреляны.

Значительный район западной части улусвольства Имам-Сахиб в те годы контролировало крупное туркменское племенное вооруженное формирование Раима Палвана, которое в 1989 году также было переформировано в пограничную бригаду с присвоением его командиру звания генерал-майора. Командир этого формирования Раим Палван подписал протокол о сотрудничестве с органами власти ДРА и активно оказывал помощь нашим пограничным спецподразделениям в борьбе с мятежниками. Он являлся легендарной личностью. Очень высокий, богатырского телосложения, он обладал удивительным спокойствием, хладнокровием, невозмутимостью и полностью оправдывал свое звание «Палван» («палван», «пахлаван» – на языке дари «богатырь»). Был очень смелым и решительным командиром. Так, в 1982 году он с тремя телохранителями в течение трех суток держал оборону в доме, окруженном бандой численностью свыше 100 человек и, несмотря на ранения, сумел продержаться до прихода помощи. К сожалению, в первой половине 1990-х гг. Раим Палван также был предательски убит.

Действовавшие в зоне ответственности погранотряда бандгруппы формировались из местных жителей по национальному принципу и являлись узбекскими, таджикскими, пуштунскими, туркменскими и арабскими. Это было следствием проводившейся в 1920–1940 гг. Захир-шахом политики по разрыву родоплеменных связей между населением советских республик и Афганистана путем отселения таджиков, узбеков и туркмен из афганского приграничья вглубь страны и заселения его пуштунами и арабами с юга, что «размыло» четкие границы их проживания. В результате образовалась своеобразная «леопардовая» карта мест компактного проживания различных национальностей и племен в афганском приграничье. Поэтому одну зону, а порой и крупный кишлак контролировали две, а то и три бандгруппы разного национального состава и партийной принадлежности, которые стремились придерживаться нейтралитета по отношению друг к другу, распространяя свой контроль только на своих соплеменников (главной его целью являлся сбор налогов и защита от притеснения других племен и контроля органами госвласти). Сами бандгруппы подразделялись на «кишлачные» (10–40 человек), осуществлявшие только охрану своих кишлаков и стремившиеся занимать нейтральную позицию в отношении органов госвласти ДРА и «шурави», и «активные», которые входили в состав бандформирования, от главара которого получали жалованье и в его составе вели активные боевые действия против советских и правительственных войск. Все бандгруппы обязаны были защищать подконтрольные кишлаки, что в условиях порой возникающих конфликтов между их жителями на бытовой или межнациональной почве приводило и к вооруженным стычкам между самими бандами. Как следствие этого, на протяжении всех 10 лет присутствия советских войск в Афганистане (и после их вывода) афганские группы и фор-

мирования душманов воевали между собой не меньше, чем с советскими и правительственными войсками. Правда, это не мешало им зачастую объединяться для совместной борьбы с «шурави», хотя некоторые бандглавары порой оказывали нам тайную помощь в разгроме враждующих с ними банд. В свою очередь советские разведчики и сотрудники МГБ ДРА (далее – ХАД) активно «подбрасывали дровишек» в огонь этих междоусобных войн с тем, чтобы душманам было чем заняться и они не «отвлекались» на вооруженную борьбу с советскими и правительственными войсками ДРА.

С учетом национального состава населения, западную, юго-западную и частично юго-восточную части улусвольства Имам-Сахиб контролировало крупное бандформирование Мулло Маджида (НИФА – «Национальный исламский фронт Афганистана», лидер – Саид Ахмад Гилани, базовый кишлак Маджар, около 300 душманов из числа пуштунов), а северную, северо-восточную и восточную части этого улусвольства – бандформирования Суфи Мухаммад Амина (ИПА – «Исламская партия Афганистана», лидер Гульбеддин Хекматъяр, базовый кишлак Аксмаджид, около 100 чел. пуштунов), Абдул Латифа (ИПА, базовый кишлак Альчин, около 400 чел. узбеков), бандглаварей Вакиль Абдул Водуда (ИПА, базовый кишлак Ишантоп, около 100 чел. узбеков) и Лал Мухаммада Дивона (ИПА-«Холес», лидер Юнус Холес, около 50 чел. пуштунов). Западную, северо-западную и восточную часть улусвольства Дашти-Арчи контролировало бандформирование Файзрахмона, а после его гибели в феврале 1987 года – его брата Хабибуллы (ИОА – «Исламское общество Афганистана», был подчинен Ахмад Шаху Масуду, базовые кишлаки Муллакули, Чичка и Карлуг, около 500 чел. узбеков и таджиков), а южную – бандгруппа Суфи Мухаммад Исмаила (ИПА, около 150 чел. пуштунов). Северо-западную, северную и северо-восточную часть улусвольства Ходжагар контролировало бандформирование Файзрахмона/Хабибуллы и подчиненного ему бандглаваря Мавляви Джабора (ИОА, базовый кишлак Курук, около 100 чел. узбеков и таджиков), а южную часть улусвольства – крупное бандформирование Кори Амира (ДИРА – «Движение исламской революции Афганистана», лидер Мухаммад Наби, базовый кишлак Хазарбаг, около 300 чел. узбеков и таджиков). В указанную численность бандформирований входили только душманы, состоявшие на финансовом довольствии их главарей. При необходимости банды могли увеличить свою численность за счет привлечения к боевым действиям кишлачных бандгрупп и мобилизации потенциальных бандпособников из подконтрольных им кишлаков. Финансирование этих «активных» бандформирований осуществлялось за счет средств, поступающих из зарубежных контрразведывательных центров (ЗКРЦ) в Пакистане, и частично за счет налогов, собираемых с местного населения.

2-я ММГ «Талукан» дислоцировалась на территории большого сада на северо-западной окраине города Талукан – административного центра провинции Тахар, безопасность которого она обеспечивала во взаимодействии с афганскими правительственными силами и танковым батальоном 40-й армии ОКСВ, контролировавшим автомагистраль из Талукана на Ханабад и далее на Кундуз. Город и прилегающие к нему кишлаки располагались в «зеленой» равнине, окруженной с севера, востока и юга горами и сопками. На севере и северо-западе территорию контролировали бандформирования Муллы Водуда и Кори Сидика (ИОА), Саид Насира (ИПА), на северо-востоке – Мавляви Шомахомада (ИОА), Умархона и Пирмамада Азими (ДИРА), на юго-западе – Шерделя (ДИРА), на юге и юго-западе – Муллы Сайфулдина (ИОА), на востоке – Пахлавана Ибрагима (ИОА), на юго-востоке – Саида Джамаля (ИПА) численностью от 100–400 бандитов каждые. А в 30 км юго-восточнее зоны Талукан начиналась зона Ишкামыш (провинция Баглан) – «царство» широко известного и весьма популярного в Афганистане главаря бандформирования ИОА Ахмад Шаха Масуда.

Следует отметить, что афганцы из числа сторонников народной власти ДРА мятежников называли «душманами» («душман» на языке дари – «враг»), а советские солдаты и офицеры – «духами». Это название произошло не от слова «душман», а появилось в обиходе советских

солдат и офицеров в конце декабря 1979 – начале 1980 года при вводе ОКСВ в Афганистан. В ходе отражения нападений мятежников на наши колонны в ночное время советские воины в приборы ночного видения наблюдали поражение своим огнем многих нападавших, но утром на местах, где должны были лежать убитые, находили только пятна крови (согласно Корану, погибший/умерший должен быть похоронен в день смерти до заката солнца, а если смерть наступила ночью – то следующего дня). Тогда-то солдаты с удивлением и спрашивали: «*Их что, духи унесли?*» Это название врага нашло быстрое распространение среди наших солдат и офицеров. Что касается последних, то все афганцы (включая мятежников) называли их одним словом – «шурави» в переводе – «советский» и лишь изредка – «кафирами» (т. е. «неверными» – так они именовали всех сторонников органов государственной власти ДРА).

Необходимо отметить, что правительственные силы ДРА круглосуточно контролировали только административные центры указанных провинций и улусвольств и прилегающих к ним кишлаков, а также порт Шерхан, безопасность которых обеспечивалась постами безопасности (войск ХАД, «Царандой» и «Комитетов защиты революции» – КЗР). Безопасность части северо-западной и западной зоны улусвольства Имам-Сахиб и восточной части улусвольства Ходжагар и западной части улусвольства Дашти-Кала круглосуточно обеспечивали вышеупомянутые «протокольные» вооруженные формирования Раима Палвана и Самада. Остальная часть территории приграничных улусвольств провинций Кундуз и Тахар, за отдельными исключениями, была подконтрольна мятежникам. Как то в СМИ сообщалось, что в Афганистане в те годы правительственные и советские войска в ночное время контролировали лишь 2 % территории, что, вероятно, является правдой. Афгано-советская граница погранохраной ДРА фактически не охранялась из-за малочисленности ее подразделений, которые были способны лишь обеспечивать безопасность мест своей постоянной дислокации.

Общественно-политическая жизнь в афганском приграничье сводилась лишь к деятельности правящей Народно-демократической партии Афганистана (НДПА, 1965–1992 гг.), лидером которой с декабря 1979 года был таджик Бабрак Кармаль, которого в 1986 году сменил пуштун Доктор Наджибулла, возглавлявший до этого МГБ ДРА и занявший в 1987 году одновременно и пост президента Афганистана. Высокообразованный, грамотный и умный руководитель, и очень мужественный человек, он был истинным патриотом своей страны и надежным другом Советского Союза. После свержения народной власти в апреле 1992 года, спасаясь от физической расправы Доктор Наджибулла вместе с младшим братом Шахпуром Ахмадаем вынуждены были четыре года укрываться в миссии ООН в Кабуле. Но 27 сентября 1996 года, в ходе спецоперации пакистанской разведки, «талибы»¹ ворвались на территорию миссии ООН и захватили их. В течение нескольких часов пакистанские разведчики истязали экс-президента, пытались принудить его к подписанию прошедшим временем сфабрикованный ими «афгано-пакистанский договор» о передаче Пакистану части территории Афганистана. Однако Доктор Наджибулла не пошел на предательство своей родины и вместе с братом был жестоко убит «талибами», а их тела повешены (эти страшные кадры облетели весь мир).

Для понимания внутривнутриполитической обстановки в Афганистане того времени необходимо сделать небольшой исторический экскурс. НДПА была создана интеллигенцией и младшими офицерами афганской армии в начале 1960-х годов и состояла из двух фракций – «Хальк» («Народ», лидеры – Нур Мухаммад Тараки и его убийца Хафизулла Амин, объединяла в основном пуштунов) и «Парчам» («Знамя», лидер – Бабрак Кармаль, объединяла представителей национальных меньшинств). К началу 1978 года НДПА уже пользовалась популярностью и поддержкой среди широких слоев интеллигенции и в армии. Поэтому когда 17 апреля нанятый афганской спецслужбой убийца застрелил авторитетного деятеля фракции «Парчам»

¹ Участники исламской экстремистской организации «Талибан», признанной в России террористической. Далее везде по тексту. – Примеч. пер.

Мир Ахмада Хайбара, то это привело широкомасштабным народным демонстрациям протеста. Тогда по приказу тогдашнего президента Афганистана Мухаммад Дауда (кстати, к власти он пришел в результате военного переворота – будучи двоюродным братом короля Захир-шаха, воспользовался его отъездом в Италию и захватил власть в стране) лидеры НДПА 26 апреля были арестованы и брошены в тюрьму. Тем не менее им удалось связаться со своими соратниками в армии, которые утром 27 апреля подняли военный мятеж, вошедший в историю как Апрельская (Саурская) революция 1978 года. Мятежные войска обстреляли из танков здание министерства обороны и президентский дворец «Арк», после чего захватили их, расправившись с президентом Даудом с семьей и его ближайшими соратниками. Интересно отметить, что танк под командованием командира танкового батальона Аслама Ватанджара, который произвел первый выстрел по зданию министерства обороны Афганистана, афганцы символично называют «Афганской «Авророй».

Приход НДПА к власти в стране усилил внутривластную межфракционную борьбу из-за политических и экономических разногласий, «замешанных» на межнациональных противоречиях, в результате которой Хафизулла Амин в 1978–1979 гг., захватив единоличную власть в стране, разгромил и репрессировал «парчамистов». Именно Амин, узурпировавший власть в стране после убийства по его приказу 16 сентября 1979 года своего «любимого отца и учителя» Нур Мухаммада Тараки, в значительной мере способствовал возникновению исламской оппозиции в стране. Лицемерный, двуличный пуштунский националист из племени «гильзаи», он еще во время своей учебы в колледже при Колумбийском университете США в конце 1950-х гг. внезапно «воспылал» любовью к идеям социализма. Советская разведка обоснованно считала, что эта его «любовь» возникла по заданию ЦРУ, без покровительства которого ФБР вряд ли терпело бы яркого иностранного социалиста у себя под боком. Вернувшись на родину молодой социалист Хафизулла бросился в омут революционной борьбы, постепенно вскарабкавшись до поста второго человека в НДПА. Уже в этом статусе Хафизулла Амин стал радикально бороться за «торжество идей социализма» – именно это, с учетом его идеологической патетики, можно усмотреть во всех его действиях. Однако, если посмотреть на его действия под углом спецслужб, что «цэрэушным духом» там не пахло, а смердело, ибо все его деяния были выгодны исключительно американцам. Во-первых, развязанная им беспощадная борьба между фракциями «Хальк» и «Парчам» с проведением массовых репрессий против идейных «парчамистов» загнала их в глубокое подполье и вынудила значительную часть из них эмигрировать, что крайне ослабило саму партию и подорвало ее авторитет у народа. Во-вторых, под лозунгом построения социализма в феодальной стране Амин развернул активную борьбу против мусульманского духовенства – станового хребта феодально-племенного афганского общества. А поскольку борьба за умы людей требовала длительного времени, то боролся он с муллами своеобразно: в 1979 году в г. Талукан со всей округи и соседних провинций были созваны на встречу больше тысячи мулл, которых по его приказу без каких-либо идеологических дискуссий расстреляли. Аналогичная «борьба» происходила и в других районах страны. И как после этого афганские крестьяне, для которых мулла являлся главным авторитетом, должны были относиться к НДПА и государственной власти ДРА? Как результат этого, идеи социализма и сама НДПА были серьезно скомпрометированы в глазах населения и многие несогласные стали пополнять ряды мятежников, численность которых стала неуклонно расти. И это все происходило на фоне славословия Хафизуллы Амина, превратившегося в глазах афганского народа в жестокого убийцу, в адрес руководства КПСС и Советского Союза. Лучшего «подарка» Вашингтону для антисоветской пропаганды и не придумаешь! Этим дается ответ на вопрос о причастности Хафизуллы Амина к агентуре ЦРУ и не важно, давал ли он подписку о негласном сотрудничестве с американцами или нет – судят по действиям. Однако Амин так и не понял, что своими действиями не оставил руководству СССР иного пути, кроме как проведения 27 декабря 1979 года спецоперации, вошедшей в историю как «Байкал-79»/«Штор

м-333». Другим способом изменить внутреннюю политику НДПА и прекратить массовый террор и репрессии в стране было невозможно. После ликвидации бойцами «Альфы» Хафизуллы Амина «парчамисты» во главе с Бабраком Кармалем при нашей помощи сумели восстановить свои позиции в НДПА и прийти к власти. В свою очередь, многие «халькисты», вынужденно признав единство НДПА, в действительности продолжили скрытую борьбу против «парчамистов», зачастую опускаясь до сотрудничества с душманами.

Как и в Советском Союзе, «резервом» НДПА был комсомол – «Демократическая организация молодежи Афганистана» (ДОМА). В целях укрепления народной власти, защиты завоеваний Саурской революции и борьбы с мятежниками партия и комсомол создали на всей территории страны разветвленную систему «Комитетов защиты революции» (КЗР), которые формировали вооруженные группы (посты) КЗР, называвшиеся «мудофинами» (защитниками Родины) в кишлаках с целью сохранения их под контролем государственной власти. Всем «мудофинам» выплачивалась зарплата, они обеспечивались вооружением, боеприпасами и снаряжением. Эти посты КЗР, наряду с постами «Царандоя», входили в единую систему «постов безопасности» и были подчинены комитетам НДПА.

Наряду с этим на севере страны в провинциях Бадахшан и Тахар действовали оппозиционная правящей НДПА упомянутая выше левая политическая организация «Революционная организация трудящихся Афганистана» (РОТА) со своим вооруженным формированием под командованием Самада, а также несколько мелких подпольных и полуподпольных радикальных и промаоистских политических организаций, которые какого-либо значимого влияния в стране не имели.

Ввод советских войск и приход к власти фракции НДПА «Парчам» во главе с Бабраком Кармалем позволили прекратить массовые репрессии и несколько стабилизировать ситуацию в стране. Но исламская оппозиция, при поддержке спецслужб США, Англии, Пакистана, Саудовской Аравии, Ирана и Китая, только активизировала свою контрреволюционную и антисоветскую вооруженную борьбу. На сопредельных территориях Пакистана в районе гг. Кветта и Пешавар на их деньги при содействии пакистанских спецслужб были созданы зарубежные контрреволюционные центры (ЗКРЦ) оппозиционных исламских партий, а затем как грибы после дождя стали расти учебные центры по подготовке боевиков, инструкторами в которых были американцы, британцы и другие представители «цивилизованного Запада» и арабских стран – «каждой твари по паре». Вооруженная борьба душманов против правительственных войск и ОКСВ приобрела стратегически планируемый и ожесточенный характер вследствие масштабного рекрутирования афганцев в банды при наращивании их финансирования и поставок вооружений, снаряжений и боеприпасов. В отместку за поражение во Вьетнаме американцы решили воевать с Советским Союзом до «последнего афганца».

В этой связи необходимо остановиться на тех, кто воевал против нас в Афганистане, ибо мятежник был мятежнику рознь. Во-первых, были наши ярые идейные противники, в числе которых не только противники социализма, но и «пещерные» враги элементарного прогресса страны, цеплявшиеся за родоплеменные обычаи, основанные на консервативных постулатах Корана и Шариата. Были и разочаровавшиеся в идеях социализма вследствие широкомасштабного террора и репрессий, развернутых Хафизуллой Амином и его спецслужбами – бывшие офицеры, чиновники и партработники, представители интеллигенции, бежавшие от репрессий. К третьей преобладающей категории душманов относились малообразованные или «дремучие» дехкане, слепо верившие в то, что, став мучениками (шахидами) во имя Всевышнего за «правое дело» и попав в рай, получают почетное место возле трона Аллаха и вечно молодую жизнь с красивыми женами в райском саду (джаннат) с возможностью пить непьянящее вино. Была еще и четвертая категория, которая верила в Аллаха, но не торопилась на встречу с ним, без особой вражды относилась к органам госвласти ДРА и «шурави» и стремилась лишь приспособиться к сложившейся ситуации. К тому же многие на фоне массовой нищеты и тяжелого

крестьянского труда вступали в ряды мятежников из-за приличной зарплаты. Эта неоднородность рядов мятежников создавала нам благоприятные возможности для склонения некоторых из них к негласному сотрудничеству с советской разведкой и органами ХАД. И таких было достаточно много – нужно было лишь оказаться в нужном месте в нужное время!

Таковы общие сведения о населении, местности и расстановке сил в афганском прикорме в зоне ответственности 48-го Пянджского погранотряда, которые в целом оставались неизменными в течение нашего десятилетнего пребывания в ДРА.

Однако вернемся к нашему прибытию в Афганистан. После посадки наш «борт» двигатель не глушил, и к нему тут же как муравьи устремились солдаты и офицеры: одни забирали мешки с почтой, газетами и журналами, другие – получали у летчика какие-то служебные пакеты с документами, третьи – занимались разгрузкой продовольствия и еще каких-то ящиков, четвертые – бобины с кинофильмами. Мы же с Виктором Нарочным, ступив на афганскую землю, с интересом смотрели на всю эту суету. Спустя минуту с возгласами: «*Наша замена приехала!*» – к нам подбежали и бросились обнимать «как родных» два офицера. Нас провели в штаб, где мы с волнением по очереди доложили начальнику мангруппы подполковнику Самсонову М. И. о своем прибытии для дальнейшего прохождения службы. Михаил Иванович по своей натуре был человеком добродушным, демократичным и в то же время требовательным. Впоследствии у меня сложились с ним весьма доброжелательные отношения. До сих пор благодарен ему за то, что он давал мне достаточно большую свободу в принятии решений на боевых операциях и что в нужное время не воспрепятствовал моему переводу в разведку, чем способствовал кардинальному изменению моей жизни. Задав нам «дежурные» вопросы: когда какое училище окончили, где и в каких должностях проходили службу, откуда родом, «начман» передал нас «в руки» наших непосредственных командиров – начальников застав.

Встретили меня на 1-й заставе ММГ-3 очень доброжелательно. Начальник заставы капитан Василий Васильевич Ротаенко был выпускником Высшего общевойскового командного училища, грамотным и энергичным офицером, закаленным в боях командиром, умеющим принимать единственно правильные решения в бою и пользовавшийся непререкаемым авторитетом и уважением у подчиненных. А еще он был жизнерадостным, общительным, с хорошо развитым чувством юмора человеком, балагуром и душой компании. Когда на него «накатывала» хандра (а такое тоже бывало), он ложился на свою кровать и начинал громко напевать шуточную песенку: «*А я лягу-прилягу и малехо сосну, доживу до замены и всех на... пошлю!*» Будучи первоклассным специалистом по автобронетанковой технике, он во многом помог мне в восстановлении навыков по управлению БМП-1 и БМП-2, ведению огня из их вооружения. Особого интереса к моей «замполитовской» работе он не проявлял, так как круглосуточное общение офицеров с подчиненными обеспечивало очень высокий морально-боевой уровень личного состава.

Замполит заставы капитан Мостовой Сергей Григорьевич, честно провоевавший более двух лет, с радостью повел меня по другим подразделениям ММГ, представляя меня другим офицерам и прапорщикам: «*Моя замена приехала*». Выпускник командного факультета Московского высшего пограничного командного училища КГБ СССР им. Моссовета, известного в «народе» как Бабушкинское (по названию станции метро, вблизи которой находится в Москве), он волей судьбы стал политработником, что оказалось призванием его души. За его спиной было несколько десятков боевых операций, а грудь его украшал орден Красной Звезды. Спокойный, доброжелательный, с высоты своего боевого опыта несколько снисходительный, он делал все зависящее, чтобы помочь мне поскорее вникнуть в обстановку и войти в должность – ведь в любой момент мне предстояло командовать подчиненными в ходе выезда на боевую операцию и отвечать за их жизни. (По существовавшему неписаному правилу, в случае прибытия замены заменяемый на боевые операции уже не выезжал – а вдруг...) За неделю он

сумел передать мне многие полезные знания: где и каким образом садиться сверху сбоку на «броню» БТР (примечание: при таком размещении стопы ног следует упирать в нижний поручень, а не в ребро корпуса, которое при подрыве мины под колесом взрывной волной мины выворачивает вверх, калеча их), в каких случаях и в какой последовательности следует снаряжать автоматный магазин трассирующими и обычными патронами, чтобы не стать легкой мишенью во время боя, какую пищу и в каких объемах принимать перед боем, чтобы иметь больше шансов выжить при ранении в живот, каким образом утолять жажду на «точке» и на операциях и др., за которые я много раз вспоминал его добрыми словами.

Заместитель начальника заставы («зампобой») старший лейтенант Звонарев Александр Михайлович является выпускником Алма-Атинского высшего пограничного командного Краснознаменного училища КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского. Высокий, крепкого спортивного телосложения из категории «хороших людей, которых должно быть много», очень спокойный и уравновешенный человек, вдумчивый и неторопливый в принятии решений в «мирной» обстановке и мгновенно принимающий верные решения в бою. За внешней молчаливостью, сдержанностью и кажущейся угрюмостью скрывался очень душевный, добрый и общительный человек. Свои мысли он всегда излагал спокойно, неторопливо, обстоятельно и очень аргументированно. И в этом было его обаяние и магнетизм. А еще он обладал тонким юмором и мог в нужной ситуации с сарказмом так «пройтись» по воспитуемому подчиненному, что тот становился «шелковым». В то же время он был очень корректным и никогда не оскорблял, а тем более не унижал подчиненных, у которых пользовался огромным авторитетом и уважением. Я по-доброму ему завидовал, прекрасно понимая, что никогда не смогу сравниться с ним в этом. Это был настоящий «отец солдатам», который берег солдат, но не жалел их. Солдаты его искренне любили как командира.

В отличие от Саши, я был его полной противоположностью – худощавым, несколько выше среднего роста, энергичным «живчиком», с некоторыми элементами авантюризма и склонностью к риску, весьма общительным и доброжелательным к подчиненным. Как замполит, думаю, умел «завести» подчиненных на достижение поставленной задачи. Да и с юмором у меня было в порядке. Поэтому со временем мне удалось завоевать уважение и неплохой авторитет у подчиненных, но он ни в коей мере не был соизмерим с авторитетом Александра Звонарева. Мне же посчастливилось многому у него научиться, ибо он прибыл в Афганистан несколькими месяцами ранее и уже хорошо знал бойцов нашей заставы. А еще он умел кратко и емко охарактеризовать каждого из них, подметить его наиболее характерные черты и качества. В дальнейшем он продолжил службу в Опергруппе отряда, окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе и закончил ее в звании полковника пограничным комиссаром Латвийского участка государственной границы. Несмотря на различия в характерах, мы с ним стали хорошими друзьями-товарищами, сохранив эти отношения до настоящего времени. Должным образом его характеризует и тот факт, что на протяжении более чем трех десятилетий он продолжает поддерживать связи с бывшими солдатами и сержантами нашей 1-й заставы и многим из них помогает, чем может.

Старшина заставы старший прапорщик Иван Алексеевич Сорока был самым старшим из нас. Умудренный жизнью хозяйственник, он всегда был занят какими-то хозяйственными вопросами, что-то перестраивал и ремонтировал на заставе. Бойцы же за ним ходили как цыплята за наседкой. Среднего роста, худощавый, с казачьими усами, он всем своим видом вызывал доверие. Общительный, любящий шутки и розыгрыши. А еще он был хорошим товарищем, в бою был смелым, удачливым и всегда готовым прийти на выручку. У меня с ним сразу сложились очень доброжелательные отношения и он стал мне хорошим помощником во многих моих начинаниях.

Несколько слов нужно сказать о своем непосредственном политическом руководителе – заместителе начальника мотомангруппы по политчасти капитане Кунаковском Анатолии Ива-

новиче, с кем мне довелось служить больше года. Высоко эрудированный офицер, спокойный и уравновешенный, скромный и тактичный человек, он был прирожденным политработником, прекрасно понимавшим подчиненных. Он никогда не кричал на них и действовал всегда методом убеждения. Прекрасно понимая сложность проведения традиционных форм партполитработы в условиях боевых операций, он основное внимание уделял индивидуально-воспитательной работе с боевыми экипажами и расчетами. Стремясь лично участвовать в войсковых операциях, зачастую оказывался на острие боев. А на коротких привалах успевал собрать замполитов застав, партгрупповиков и секретарей комсомольских организаций с тем, чтобы «из первых рук» знать об имеющихся проблемах и сложностях для своевременного принятия мер к их устранению. Он стремился вовремя обеспечить нас свежими газетами и журналами, морально поддерживал нас, когда мы несли потери. Он был одним из нас! А по возвращению на «точку» по ночам сидел над коррективкой и «шлифовкой» представленных нами представлений к наградам на отличившихся, чтобы в управлении отряда кто-то не «зацепился» за какое-то «корявое» выражение и не завернул представление обратно. Ведь если его завернут, то придется ждать повода для представления отличившегося уже за другой бой. А до этого он мог и не дожить. Да и будет ли другой повод к его награждению? Зная из докладов начальников застав о поведении в боях офицеров, прапорщиков, внимательно отслеживал, чтобы отличившиеся не остались без наград. При необходимости он «продавливал» необходимость направления представления на того или иного отличившегося офицера или прапорщика, в отношении которого у начальника мангруппы или начальника штаба имелись сомнения. А еще я ему благодарен за то, что когда встал вопрос о моем переводе в пограничную разведку, то воспринял это с пониманием и, как мой прямой начальник, поддержал его.

Судьба вновь свела нас спустя десятилетия, когда мы уже были с полковничьими «эполетами» и Анатолий Иванович возглавлял филиал одного из ведущих учебных заведений ФСБ России. Повезло курсантам со своим руководителем и наставником!

Начальник штаба мотомангруппы майор Григорий Антонович Коновалов был не плохим офицером и человеком, и неоднократно в целом успешно командовал нашей ММГ на войсковых операциях, но принимаемые им зачастую спорные решения вызывали у нас противоречивое отношение к их выполнению. Так, в октябре 1984 года во время операции в районе кишлака Уразбача командир разведзвезда капитан Анатолий Мальцев, действуя в головном дозоре, по радиостанции доложил о спешно уходящей в кишлак группе вооруженных всадников на лошадях и запросил разрешение на открытие огня. В ответ услышал: *«Не стреляйте, это мирные дехкане! Я сейчас подъеду посмотрю!»*, что вызвало непонимание и возмущение офицеров. Повезло «духам»: пока наш «главнокомандующий» подъехал к головному дозору – им удалось скрыться в глубь кишлака. Две-три очереди, данные им вслед из пулемета ПКТ, ничего уже изменить не могли. Естественно, пока мы запустили афганских солдат на «проческу» кишлака, тех бандитов и след простыл – они не только сами ушли, но и всполошили находившихся там других бандитов. Операция оказалась безрезультатной. Зато после этого у нас появилась шутка: когда кто-то из нас во время операции докладывал по радиостанции об обнаружении «духов», то кто-то обязательно вклинивался в этот доклад шутиливой фразой: *«Не стреляйте – это мирные дехкане с автоматами!»*

О зампотехе мангруппы майоре Георгии Юрьевиче Налетко более подробно будет рассказано ниже, ибо он волей Ее Величества Судьбы своим решением и спас жизнь мне и моему экипажу.

Заместитель начальника ММГ по тылу капитан Николай Коновалов к моему прибытию на «точку» уже был матерым «боевым волком» и начинал готовиться к замене, но на «точке» не отсиживался и наравне со всеми принимал участие в боевых операциях. Его сменил старший лейтенант Бабайлов Георгий Константинович – молодой, энергичный и общительный офицер, который тоже был боевым «тыловином».

Начальник 2-й заставы капитан Шакиров Рафаэль Габдулбарович прибыл в Афганистан в январе 1985 года уже зрелым офицером. Спокойный, неторопливый, вдумчивый, доброжелательный и добродушный, он обладал большим магнетизмом. Не удивительно, что когда на душе было муторно и хотелось как-то отвлечься, то мы приходили к Рафаэлю на заставу, где за чаем вели задушевные беседы и от общения с ним на душе становилось веселее. В кратчайшие сроки он стал командиром, за спиной которого спокойно чувствовали себя его подчиненные.

Рафаэля Шакирова прекрасно дополнял его «зампобой» старший лейтенант Нарочный Виктор Иванович, с которым мы прибыли на «точку». Выпускник «Бабушкинского» погранучилища, грамотный командир, выдержанный, спокойный как удав, с которого порой слова приходилось вытягивать клещами, он был невозмутимым в самых сложных и критических ситуациях. Решения в бою всегда принимал взвешенные и выверенные, сохраняя спокойствие даже в условиях прямой угрозы жизни. Среди своих подчиненных пользовался огромным авторитетом и уважением.

Замполит 2-й заставы капитан Машошин Виктор Николаевич был политработником по призванию. Спокойный, доброжелательный, общительный и веселый, он был в числе тех, с кем мне зачастую приходилось по вечерам «отводить душу». А в бою это был надежный товарищ, который всегда прикроет спину и поможет в трудную минуту. Таким же был и старший лейтенант Геннадий Алеев, замполит минбатареи, сменивший Ивана Лобанца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.